

Серия «СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

К вопросу о методологии изучения феминизма в России начала XX века

к.и.н. Крадецкая С.В.
Университет машиностроения
susanna.mosca@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам изучения феминистского движения в России. Делается вывод о необходимости использования принципов теории модернизации и гендерной теории как наиболее плодотворных при изучении данной темы.

Ключевые слова: методология, теория модернизации, гендер, феминизм, феминистское движение.

В современной исторической науке темы, связанные с изучением женской протестной активности, пользуются неизменным успехом у исследователей. В большей степени это касается зарубежных специалистов, однако в последнее время отечественные историки также заинтересовались этим аспектом российской истории. Всплеск внимания к «женской теме» во всех ее проявлениях произошел на рубеже XX – XXI вв. Безусловно, и в предыдущий – советский – период выходили работы, посвященные данной тематике. Однако исследовательские возможности в то время были ограничены довольно жесткими рамками, которые позволяли изучать женскую социальную активность только с точки зрения «народно-освободительного движения». Основное внимание здесь уделялось революционеркам, в то время как женщины, не принимавшие непосредственного участия в деятельности революционных организаций, оставались вне поля зрения советских историков [2; 9].

В 1990-х гг. ситуация изменилась. Исчезновение методологического диктата и связанных с ним негласных запретов подтолкнули отечественных специалистов к изучению самого широкого круга вопросов, так или иначе связанных с положением женщин в Российской Империи. Особенно плодотворными в этом отношении были 1990-е гг., когда в научных центрах в Иваново и Твери проводились многочисленные конференции, публиковались журналы и сборники научных статей. Однако вопрос о выборе методологической базы и в целом о необходимости методологической рефлексии при изучении женского и феминистского движения остается открытым. Довольно часто в соответствующих исследованиях встречаются идеологические штампы и клише советского времени, которые сегодня представляются непригодными для описания и анализа исторических событий.

В частности, подобный взгляд характерен для П.П. Щербинина, автора раздела о «женском общественном движении и женских организациях» в России XVIII – начала XX вв. в сборнике «Самоорганизация российской общественности» [10]. Большая часть этого раздела посвящена благотворительной деятельности женщин из дворянских кругов, которая особенно активизировалась во время различных военных кампаний. Именно в этой деятельности автор видит, помимо «неизбежного отклика женского сердца на страдания больных и раненых воинов», признаки изменения сознания россиянок [10, с. 695–719]. При характеристике протестной деятельности женщин, не связанной с благотворительностью и помощью раненым во время войны, автор старательно избегает термина «феминизм», настаивая на том, что это движение, противоречащее демократии. Такая концепция феминизма, представляющая его как идеологию небольшой группы «буржуазных» женщин, «далеких от народа» и заботящихся только о своих интересах, была характерна для работ А.М. Коллонтай, которая использовала данную теорию для достижения определенных политических целей. Выше уже

говорилось, что на современном этапе развития исторической науки применение подобных концепций представляется нецелесообразным.

В связи с этим вопрос о методологии изучения феминизма в России является чрезвычайно важным, а поиск наиболее перспективных вариантов сочетания различных концепций – обязательным для каждого исследователя. В данной работе предлагается один из возможных способов решения данной методологической проблемы.

В качестве макрообъяснительной модели, которая позволит включить феминистское движение в общий контекст социокультурного развития России, предлагается использовать теорию модернизации. В современных исследованиях модернизация определяется как «процесс, посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные» [3, с. 59]. При этом особый акцент делается на том, что подобный переход редко бывает «спокойным и равномерным», т.к. модернизация оказывает влияние на все социальные институты и всех членов общества. Соответственно, данный термин описывает множество изменений на различных уровнях, которые могут не совпадать друг с другом [3, с. 59].

Макрообъяснительная модель модернизации прошла несколько стадий в своем развитии – от эволюционизма и функционализма 1950-х – 60-х гг. до становления неомодернизационных и постмодернизационных подходов в 1980-е – 90-е гг. [4] Возникнув во многом как политический заказ, как альтернатива коммунистическому пути развития, «ответ» Советскому Союзу, постепенно теория модернизации приводилась в соответствие научным требованиям. К концу XX в. от первоначального варианта данной теории осталось только «ядро», т.е. понятие самого модернизационного перехода. Признается, что в различных государствах у этого процесса прослеживаются общие черты (например, в экономике – формирование свободного рынка, индустриализация; в политике – переход к выборному представительству и разделение властей и т.д.), однако – и в современных теоретических работах это особо подчеркивается – везде процесс модернизации также имеет свою социокультурную специфику.

Признание возможностей альтернативной модернизации, не соответствующей «классическому» варианту, стало результатом разработки модели парциальной или частичной модернизации. Как отмечают исследователи, «выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики» [4, с. 154]. Помимо данной модели, также были разработаны многолинейная, акторная, структурационная модели модернизации. В данном исследовании принята акторная модель модернизации, т.к. именно в ней исследовательский фокус переносится с социальных структур на изучение индивидуального актора, индивидуума. Все внимание сосредотачивается на повседневной жизни обычных людей, живущих в эпоху значительных исторических перемен и вырабатывающих свои стратегии для выживания и преодоления трудностей переходного периода [4, с. 158–163].

Среди множества современных определений модернизационного процесса особенно выделяются те, которые акцентируют внимание на отдельных измерениях модернизации, в частности, на социальной трансформации. В данном контексте на первый план выходит становление личности нового, современного типа, отличающейся гуманизмом, рационализмом, секуляризмом, социальной активностью и ответственностью, готовностью к переменам и даже их провоцированием. Одновременно с возникновением личности нового типа формируются и утверждаются ценности гражданского общества.

Само гражданское общество является обязательным атрибутом процесса модернизации. Существует множество определений этого понятия. Б.Н. Миронов трактует его как совокупность «свободных, рациональных и активных личностей и представляющих их интересы организаций и ассоциаций» [1, с. 290]. Гражданское общество включает в себя несколько основных элементов: гражданские права, гражданские институты, гражданские практики и гражданские ценности [5, с. 454]. Становление гражданского общества – это длительный и

сложный процесс. В ходе него изменяются все субъекты будущего гражданского общества – человек, организации, в которые он входит, и государство.

Применительно к обозначенной теме (феминистское движение в России) теория модернизации, безусловно, открывает большие перспективы. Прежде всего, она позволяет изучать феминистское движение не как бессмысленную деятельность небольшой группы людей, пропагандировавших малопопулярные в обществе идеи, но как неотъемлемый элемент модернизационного процесса, как закономерно возникшую и необходимую часть перехода от традиционного общества к современному. Акторная же модель модернизации дает возможность сосредоточить внимание на индивидуальных и коллективных стратегиях выживания в новом обществе, которые разрабатывали лидеры и активистки движения, и которые они предлагали другим женщинам в качестве возможных путей развития.

Однако при изучении феминистского движения как части модернизационного процесса перед исследователем неизбежно встает вопрос о правомерности выделения именно «женской» составляющей процесса модернизации. Действительно ли в обществе существовали объективные причины, толкавшие женщин на выражение публичного протеста таким образом? Другими словами, встает вопрос о положении женщин в обществе, о тех иерархиях, которые основывались на социокультурных составляющих пола, и о том, как сами женщины относились к этим иерархиям.

Все эти вопросы относятся к исследовательскому полю гендерной истории, основывающейся на гендерной теории. Гендерная теория зародилась в 1980-е гг. на базе различных социологических теорий и феминологии или истории женщин [6]. К этому времени усилиями историков-феминологов женщины «вернулись» в историю, был также, хотя бы отчасти, произведен фундаментальный пересмотр традиционной исторической картины мира [6]. В результате феминологи оказались перед необходимостью поиска новых теоретических основ для своих исследований. Непосредственно от истории одного пола, а точнее женщин, нужно было перейти к истории представлений о женщинах, к исследованию механизмов складывания этих представлений. Этот поиск и привел к формированию гендерной теории.

В современных исследованиях существует множество трактовок термина «гендер». Если не вдаваться в многоуровневые рассуждения, то гендер можно определить как социальный или социокультурный пол [7, с. 505]. В основе гендерной теории лежит утверждение о том, что статус и мужчины и женщины не дается автоматически от природы, но приобретается, и что различие между мужчинами и женщинами носит социальный, но не биологический характер.

Применительно к истории гендерная теория позволяет существенно расширить предметное поле исследований. В общем виде предмет гендерно-исторических исследований был сформулирован Дж. Скотт в известной статье «Гендер – полезная категория исторического анализа». В этой работе Дж. Скотт представляет гендер как сложную модель, состоящую из нескольких взаимосвязанных друг с другом подсистем. Первой из них является комплекс культурных символов и образов, характеризующих «мужское» и «женское». Далее следуют нормативные утверждения, религиозные, педагогические, правовые и т.д., которые «определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов». Третьей подсистемой являются социальные институты, воспроизводящие и формирующие гендер. И, наконец, четвертой подсистемой выступает гендерная идентичность, субъективное самовосприятие [8; 7, с. 508–514; 6, с. 186–187]. Современные отечественные специалисты определяют предмет гендерной истории как историю складывания и функционирования системы отношений и взаимодействий, стратифицирующих общество по признаку пола, историю представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка [6, с. 212].

Соответственно, при гендерном анализе социально-исторических явлений историку необходимо изучать вышеобозначенные подсистемы с использованием понятий, разработанных гендерологами. Прежде всего, это гендерная стратификация, понимаемая как процесс, посредством которого половые различия наделяются социальным значением и гендер стано-

вится основой социальной стратификации; гендерный контракт – порядок взаимодействия полов друг с другом; гендерная система – институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом; гендерное разделение труда, гендерные роли и гендерные нормы, гендерные предрассудки и т.д. [6].

Таким образом, для изучения любых вопросов, связанных с положением женщин и их деятельностью в ту или иную эпоху, использование элементов гендерного анализа социально-исторических явлений представляется чрезвычайно плодотворным. И феминистское движение здесь не является исключением. Изучение гендерной стратификации российского общества и того гендерного контракта, который лежал в его основе, помогает выявить факторы, которые побуждали женщин на выражение протеста. Не менее интересным и важным является анализ тех гендерных норм и стереотипов, которые навязывались женщинам в качестве идеальных моделей, и которые им приходилось нарушать, выступая на арену публичной деятельности. Используя модель Дж. Скотт, можно сказать, что здесь задействуются все четыре составных части гендера.

Современное состояние исторической науки и развитие ее методологии позволяют изучать те аспекты социальной реальности в прошлом, которые ранее оставались в тени. Одним из таких аспектов является история феминистского движения в России начала XX в. Если в советский период его изучение было затруднено из-за господства марксизма-ленинизма, который допускал трактовку того или иного явления только с единственно верной позиции, то сегодня перед исследователем открывается широкий выбор методологических принципов работы. Одним из наиболее интересных вариантов является применение теории модернизации и элементов гендерного анализа социально-исторических явлений. Это позволяет открыть новые ракурсы при исследовании как истории феминизма, так и всей истории дореволюционной России.

Литература

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000.
2. Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.
3. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
4. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002.
5. Проскурякова Н.А. Проблемы формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX века (теоретико-методологический аспект) // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008.
6. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
8. Скотт Дж. Гендер – полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков, СПб., 2001.
9. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России 50 – 60-е годы XIX в. Л., 1984.
10. Щербинин П.П. Женское общественное движение и женские организации в XVIII – начале XX в. // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.